

После двух часов перемещения по бескрайнему морю, следуя координатам, без остановок, в кажущейся вечностью тишине без передышки, впереди показалось место, которое я поклялся уничтожить, место, которое забрало часть меня, не оставив ничего, кроме ненависти и злости.

Райская башня возвышалась над горизонтом, гигантское сооружение, созданное руками тех, кто был поработан, руками вынужденных страдать и работать до гроба... только без гроба.

Здание, созданное из крови и боли.

Болезненное напоминание о монстрах в человеческой шкуре.

Мой гнев утих, оставив лишь холод в венах, пока я спускался к башне. Мой взгляд остановился на рабских ямах внизу, когда-то бывших моей тюрьмой, а теперь ставших могилой для других, обреченных на невыбранную судьбу.

Невинные души содержались в клетках в тесной грязи, со зловонием, настолько подавляющим, что оно покрывало стены, и этого было более чем достаточно, чтобы заставить любого человека без крепкого желудка рвать.

Когда я приземлился на башню, никто не заметил меня, горький запах крови, беды и грязи заполнил мои ноздри, и я услышал тихие всхлипы и стенания страдания, доносящиеся из коридоров призрачным эхом.

Смех Брэйна эхом отдавался в моей голове, когда я вспоминал голод, который безжалостно грыз меня несколько дней подряд, острую и обжигающую боль от его ударов и пытки, которые он с безжалостным удовольствием применял ко мне под маской «обучения».

Эти воспоминания, наряду с криками страдания, которые я слышал вокруг, подпитывали мою ярость, заставляя меня дрожать от холодной ярости, когда я сжимал кулаки, мои ногти глубоко впивались в ладони с болью, глубоко врезаясь в кожу, пока ощущение теплой влаги не пробежало по моим пальцам, когда кровь просочилась сквозь царапины моих ладоней, капая на землю.

Мои эмоции достигли иных высот безудержной ярости и ненависти, которые я никогда не считал возможными, даже в самые темные ночи.

Это не было похоже ни на что, что я когда-либо чувствовал раньше, это было безумное чувство, которое угрожало поглотить все мое существо, не оставив ничего после себя.

Все мое тело дрожало от ярости, от ненависти, и самое страшное, что это было не из-за боли моего прошлого или несправедливости, от которой страдали те, кто находился в башне.

Дело было в том, что я не мог обнаружить присутствие Брэйна в башне, как бы я его ни искал,

казалось, что человека, которого я больше всего хотел убить, здесь просто нет.

Я хотел закончить то, что не смог в прошлый раз, я хотел вогнать свой меч в его сердце, я хотел увидеть его страдания и отомстить за всю ту боль, которую он причинил мне и другим.

Но ублюдка здесь не было.

Раньше он бывал в этом проклятом месте каждый грёбаный день, а сегодня его здесь не было.

«Мы найдем его в конце концов, планета не безгранична, а наше желание покончить с его жизнью — да», — голос Занрюзуки отдавался в моем сознании, низкий тембр ее речи нес в себе одновременно ярость бушующей реки и прохладу заснеженных гор.

Да, это так.

Сделав глубокий вдох, я плотно закрыл веки, стиснув зубы от всепоглощающего всплеска ярости внутри меня.

Я заставил себя сосредоточиться, чтобы точно определить местонахождение каждого раба в башне, что оказалось очень легко сделать, благодаря тому, что они были единственными, на ком были магические оковы или ошейники, которые гасили естественный поток магической силы, этим способ я вычислил всех монстров.

Триста восемьдесят девять мишеней.

Пора их всех уничтожить.

Рука потянулась к дзампакуто, я схватил клинок и с металлическим шипящим шепотом вынул его из ножен, после чего сделал шаг вперед, мои движения напоминали движения хищника, преследующего свою жертву.

Пора с ними покончить.

—•—•—•—•—•—•—•—•—•—•—•—•—

Я мчался через башню, мой клинок сверкал в слабом свете, освещавшем это убогое место, разрубая каждого ублюдка на своем пути жестокими ударами, оставляя каждого из них в багровой луже, которая растекалась вокруг них, задыхающихся и в отчаянии хватающихся за горло, не оставляя после себя ничего, кроме кровавой бани, когда я двигался дальше и оставлял их страдать, умирать в муках.

С каждым моим взмахом.

С каждым вздохом боли, которую я вытягивал из них.

С каждой каплей крови, которую забирал мой клинок.

Моя ярость подпитывалась их страданиями.

В конце концов, я продолжал свою резню, спускаясь все глубже и глубже в планировку башни, оставляя за собой след из крови, трупов и агонизирующих ублюдков, вскоре я достиг рабских ям, где услышал тихое хныканье, доносящееся из камеры, в которой я раньше жил.

Я замер на месте, остановив свой сунпо на полпути, повернулся и заглянул внутрь камеры, чтобы увидеть старика, сгорбившегося на коленях и нежно разговаривающего с маленькой девочкой с яркими алыми волосами, которая сидела перед ним; ее рваные грязные лохмотья едва прикрывали ее крошечное истощенное тело.

Роб.

Молча, я открыл дверь камеры одним чистым движением, прежде чем шагнуть в затемненную грязную комнату, звуки моих шагов отдавались от стен с каждым шагом, пока я не оказался лицом к лицу со стариком, который был единственным маяком света, который я имел в течение моих самых темных дней в этом проклятом месте.

— Адам... — пробормотал Роб, его усталые, нежные глаза расширились в шоке, когда он поднял на меня взгляд, его лицо медленно превратилось в нежную улыбку, когда одна слеза скатилась по его морщинистой щеке.

Я потянулся вниз, мои пальцы дрожали, когда я схватил его кандалы и с силой дернул их, снимая, прежде чем шагнуть ближе, обхватив руками его тонкое туловище, ощущая каждую косточку его старого тела.

Не в силах сдержать слезы, я крепко обнял Роба, и слезы каскадами стекали по моим щекам на его старую морщинистую кожу. — Прости, что я так долго добирался сюда.

— Не за что извиняться, — ответил Роб шепотом, его мягкий голос нес в себе тот же оттенок уверенности и понимания, что и в прошлом.

— Дедушка Роб?

— Эрза — это Адам, — сказал Роб, повернув голову, чтобы посмотреть на маленькую девочку, которая спокойно наблюдала за нами.

Он... он сказал Эрза?

Неужели в суматохе эмоций я не обратил внимания на столь выдающуюся фигуру?

— Адам... — пробормотала Эрза, ее единственный целый глаз удивленно расширился, и она посмотрела на меня с любопытным выражением. — Тот, который... сбежал...

Другой ее глаз был закрыт грязной повязкой. Это означало, что я не успел найти башню до того, как она его потеряла.

Эрза подалась вперед, ее кожа была покрыта грязью, а ее маленькая фигурка была затянута в грязные лохмотья, которые едва скрывали огромную коллекцию синяков и шрамов, протянувшихся по всему ее телу.

Большая часть ее тела была изуродована синяками и шрамами всех цветов, большинство из которых были скрыты грязью ее тела.

Сделав глубокий вдох, я медленно протянул руку к Эрзе. Ее маленькое тело замерло на месте, словно ожидая чего-то ужасного, она желала уйти, сбежать от меня.

Проглотив комок, который только что образовался в моем горле, я протолкнулся через него, быстро дергая кандалы вокруг ее запястий, разрывая их, как будто они были сделаны из бумаги.

— Макаров здесь? — голос Роба эхом отразился от сырых каменных стен, когда я стоял и осматривал толпу жертв в камере, которые настороженно смотрели на меня со смесью надежды и страха.

Я покачал головой: — Я единственный, кто пришел. Мне пришлось идти одному.

Роб молчал, и я мог сказать, что в его голове сейчас происходит много всего, чего я не хотел знать или слышать, по крайней мере, пока не закончу то, что начал.

— Прости, — пробормотала Эрза, ее голос был едва слышен, когда она тянула меня за брюки.

Я взглянул на Эрзу и увидел, что в ее карих глазах блестят непролитые слезы. — За что? — тихо спросил я, нахмутив брови от смущения, когда она склонила голову и нервно сцепила пальцы.

В этот момент Эрза сделала шаг вперед, сокращая расстояние между нами, встала прямо и выпятила подбородок. — Прости, что заставила тебя думать, что я боюсь тебя, — сказала она, ее глаза пылали вновь обретенным чувством уверенности и решимости, когда слова вылетали

из ее рта, каждое из которых было более уверенным, чем предыдущее.

Я положил руку на ее правое плечо и мягко, ободряюще улыбнулся: — Тебе не за что извиняться, — сказал я мягким голосом.

Роб тепло улыбнулся и погладил ее по голове: — Адам прав. Ты не сделала ничего плохого.

Эрза улыбнулась Робу и повернулась ко мне, выражение ее лица теперь было наполнено смесью восхищения и уважения, которого я не ожидала от нее, особенно учитывая, что это была наша первая встреча: — Дедушка Роб много говорил о тебе. Спасибо, что ты вернулся, чтобы спасти всех.

Если бы она только знала, что мое желание отомстить было движущей силой этого так называемого спасения... Я не могу не задаться вопросом... Смотрели бы ее глаза на меня так же, если бы она знала?

Неважно.

Что бы из этого не вышло, да будет так.

Мне все равно, считают ли другие мои действия правильными или неправильными, я не отступлю.

Некоторые говорят, что месть и возмездие только способствуют увековечиванию цикла гнева, страха и насилия.

Однако я думаю, что это так называемый цикл кончит, если человек не будет искать мести кому-либо.